

Богословские труды, сб. 23, М., 1982, стр. 154—199; сб. 24, М., 1983, стр. 139—170.

К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

ВОЗВЫШЕНИЕ

«О благочестии истинный бысть ревнитель».

(Монастырский летописец)

Прибыв в Москву, игумен Никон представился царю. По обычаю тех времен, каждый приезжавший в столицу настоятель монастыря обязан был представляться государю. Но в этот период молодой Алексей Михайлович и его духовник протоиерей Кремлевского Благовещенского собора Стефан Вонифатьев с особой пристальностью всматривались в каждого приезжающего. Они искали таких духовных лиц, которые смогли бы стать союзниками в задуманном ими великом деле очень важных церковных преобразований, имевших далеко идущие политические цели.

Алексей Михайлович рос и воспитывался под двойным влиянием: дядьки своего боярина Бориса Ивановича Морозова и духовника о. Стефана. Морозов — опытный царедворец и плут — знакомил молодого Алексея с мирской стороной жизни, а о. Стефан стремился воспитать царя в духе строгого православного благочестия, чему очень помогал весь жизненный уклад тогдашнего русского общества, так что влияние о. Стефана оказалось особенно сильным⁷. Алексей Михайлович вырос искренне верующим человеком. Он не мыслил себя вне церковной жизни, близко к сердцу принимал все ее события и дела, очень любил богослужение, в совершенстве знал Устав, сам читал и пел на клиросе, любил зажигать лампы в церкви, постился всегда строго по Типикону⁸. Алексей Михайлович очень почитал церковную иерархию, и авторитет духовного лица, особенно если его отличала и подлинная святость личной жизни, был для царя непререкаем. Не без умысла духовник читал ему сочинения Феодора Студита и Житие Иоанна Златоуста — людей, страдавших от нечестия царей и боровшихся против этого нечестия⁹. Однако

при всем том Алексей Михайлович был обычным человеком, и свойственная человеческой природе поврежденность нередко обнаруживалась в таких его поступках и словах, которые показывали, что влияние Морозова и вообще страстей мира сего не проходило для него бесследно¹⁰. Это не мешало ему считать себя глубоко православным христианином и потому полагать *главной* задачей царя хранение и укрепление веры, церковности и благочестия в народе. По его словам, православный государь должен «не о царском токмо пещися», но прежде всего о том, «еже есть мир церквем, и здраву веру крепко соблюдать и хранить нам: егда бо сия в нас в целости снабдятся, тогда нам вся благая стояния от Бога бывают: мир и умножение плодов и врагов одоление и прочия вещи вся добре устроятся имуть»¹¹. Иными словами, — если царь не будет прежде всего заботиться о делах веры и Церкви, то пострадают все государственные дела и благосостояние народа, вверенного ему Богом.

К этим общим воззрениям на задачи царской власти присоединялась у Алексея Михайловича еще и твердая убежденность в том, что он, русский царь, является единственной в мире опорой Православия, законным наследником и продолжателем дела великих византийских императоров. Поэтому он должен всячески заботиться о православных народах, томящихся под турецким игмом, о Вселенских Патриархах, вообще о Вселенской Церкви и при возможности обязан постараться освободить православный Восток от турок, присоединив его к своей державе. Эти идеи усиленно внушались ему русским и особенно греческим духовенством. Царь вполне усвоил их и даже просил прислать ему с Афона Судебник и Чиновник «всему царскому чину прежних благочестивых греческих царей»¹². Он готовился занять их трон. Это было не праздным мечтательством юного царя. Государственная дипломатия, тайные службы всерьез работали в восточном направлении, подготавливая и разведывая возможности присоединения к России Греции и других земель, населенных православными народами. Алексей Михайлович не раз позволял себе высказываться в том смысле, что он должен стать освободителем православного Востока. Павел Алеппский передает такие его слова: «Со времен моих дедов и отцов к нам не перестают приходить Патриархи, монахи и бедняки, стеная от обид, злобы и притеснения своих поработителей, гонимые великой нуждой и

жестокими утеснениями. Посему я боюсь, что Всевышний взыщет с меня за них, и я принял на себя обязательство, что, если Богу будет угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления»¹³.

Это была заманчивая идея единой православной монархии с Россией и русским царем во главе. Идея имела свою предысторию, но что касается Алексея Михайловича, то в его сознании она оформилась в особенности под влиянием духовника Стефана Вонифатьева. Однако, чтобы претендовать на роль царя восточных православных народов, русский царь должен был возыметь с ними прежде всего полное религиозное единство, показать и подчеркнуть свое совершенное согласие с Церквами Востока. Но здесь открывались немалые трудности. Греческие иерархи, приезжавшие в Россию, постоянно отмечали различные расхождения русских церковных чинов и обрядов с греческой богослужебной практикой. Указывалось на это и до правления Алексея Михайловича, и при нем. Духовник о. Стефан убедил Алексея Михайловича в необходимости исправить русское богослужение и обычаи так, чтобы привести их в совершенное соответствие с греческими¹⁴. Но такой шаг встретил бы сильное противодействие со стороны тех, кто придерживался довольно распространенного тогда мнения, что только в России сохранилось подлинное благочестие и правая вера, а у греков все это «испроказилось»¹⁵. Вот почему о. Стефан и Алексей Михайлович собирали вокруг себя способных и сильных единомышленников, искали человека, могущего осуществить нелегкое и опасное дело церковных преобразований. Теперь можно себе представить приблизительно, под каким углом зрения смотрел царь на представленного ему Кожеозерского игумена Никона.

Алексею Михайловичу в 1646 г. было всего 17 лет. Год назад он лишился отца и матери. Характер у него был в общем добрый, мягкий (подчас даже до боязливости), но в то же время упрямый, деятельный и живой, и была в нем унаследованная от отца способность сильно привязываться к людям, которые полюбились.

Перед молодым царем предстал человек поразительный, словно вырубленный из северного камня. От Никона изливалась могучая и добрая духовная сила, способная легко покорять сердца людей. Основными чертами и слагаемыми этой мощи являлись глубокая молитвенность, большой жизненный опыт, многолетний аскетический подвиг в самых суровых условиях, цельность души в

ее стремлении к Богу, отрешенность от земных страстей, порождающая спокойную внутреннюю независимость, поразительная прямота и честность (Никон никогда не умел хитрить). К этому еще прибавлялись живой ум, бодрость духа, очень большая начитанность, прекрасное знание Священного Писания, умение вести беседу (даже с царем!) непринужденно, без робости и в то же время с должным почтением. Это было то природное благородство души, которое не редкость в простом верующем русском народе и которое всегда вызывает восхищение. Если еще учесть и внушительную благообразную внешность сильного телом и душой монаха, то можно представить, какое глубокое впечатление произвел игумен Никон на юного царя. Алексей Михайлович буквально влюбился в этого человека («Никон от великаго самодержца зело возлюбися», — пишет Шушерин). Понравился Никон и строгому ревнителю благочестия о. Стефану Вонифатьеву. Решено было поставить Никона архимандритом царского Новоспасского монастыря в Москве.

Алексей Михайлович повелел, чтобы Никон каждую пятницу приезжал к нему во дворец к утрени, после которой государь «желал его беседою насладитися». Скоро, однако, эти беседы приобрели неожиданный характер. Люд московский, прознав о близких отношениях Новоспасского архимандрита с царем, живо использовал это обстоятельство. Никону в монастыре, в храме, на улицах люди стали вручать челобитные с прошениями о самых разных нуждах. Здесь были и просьбы о защите от притеснений, жалобы на несправедливость судей, ходатайства о помиловании осужденных, мольбы, сетования — слезы народные. Никон по опыту жизни знал, как трудно, а порой и невозможно бедному человеку найти управу и защиту, прорываясь сквозь взяточничество, неправду и жестокость «дьяков» и «подьячих». Новоспасский архимандрит собирал все эти челобитные и без церемоний выкладывал ворох бумаг перед царем после утренней службы. Алексею Михайловичу ничего не оставалось, как тут же вместе с Никоном разбирать эти бумаги и давать по ним немедленные решения¹⁶. Никону стало трудно выезжать из монастыря из-за множества ожидавшего его народа. Его авторитет в глазах царя чрезвычайно вырос. Теперь царь приглашал его не только по пятницам, а по каждому удобному случаю. Никон сделался, по выражению Алексея Михайловича, его «собинным

(особым) другом». Глубокая личная привязанность этих двух людей возрастала с каждым днем.

Но еще более полюбил архимандрита угнетаемый и притесняемый народ. Молва о Никоне как о заступнике людей распространилась далеко за пределы Москвы и положила начало тому глубокому почитанию Никона в народе, с которым мы встречаемся не раз в дальнейшей судьбе Патриарха. Однако такое поведение человека, близкого к царю, не могло не восстановить против Никона многих царских бояр и князей. В свою очередь, и Никон не мог не занять враждебную позицию по отношению к высшему сословию. Выходец из народа и строгий аскет, он привык смотреть на сильных мира сего как на людей особенно подверженных страстям, а неожиданная близость к государю давала ему возможность проявить вполне свое презрение к подобной бездуховности. Правда, это обнаружилось не сразу. Поначалу только закладывалась основа будущего конфликта между Никоном и знатью; и следует подчеркнуть, что это начало положено искренним заступничеством Никона за народ (через головы и в обход боярско-княжеской верхушки).

Став архимандритом, Никон принялся заново перестраивать Новоспасский монастырь. Это был первый опыт будущего Патриарха в строительном искусстве и, надо сказать, весьма удачный. Никон выстроил на месте обветшавшей церкви новый величественный храм, воздвиг новые келлии и окружающую монастырскую стену с башнями¹⁷. Получился прекрасный архитектурный комплекс, отличавшийся монументальностью и красотой. Знаменитый Павел Алеппский, архидиакон Антиохийского Патриарха Макария, посетив Новоспасский монастырь в 1655 г., записал: «Великая церковь (собор) выстроена Патриархом Никоном в бытность его архимандритом этого монастыря. Она благолепная, красивая, душу веселящая; мы не находим в этом городе (Москве) подобную ей по возвышенности и радующему сердце виду»¹⁸. В архитектуре этого собора впервые выявились художественные вкусы Никона — он любил монументальность, размах и православные традиции русского зодчества. Со свойственной ему пытливостью ума и основательностью Никон вникал во все процессы строительных работ. Здесь он, без сомнения, учился строительному искусству, осваивая всё — от составления и чтения чертежей до хитростей каменной кладки.

Документы, относящиеся к дальнейшим его постройкам — Иверскому, Крестному, Новоиерусалимскому монастырям, обнаруживают в Никоне подлинного специалиста, до тонкостей знающего все строительное дело. Зодчество оказалось не побочным увлечением Никона. Со временем оно станет главным в его жизни и деятельности.

В Москве у Никона началась очень напряженная жизнь. Богослужение, молитва, монастырские дела отнимали большую часть суток. А ему еще нужно было встречаться с царем, многими людьми, читать и заниматься. Никон открывал для себя новые духовные горизонты, вынужден был думать о больших общецерковных проблемах. На фоне общего очень высокого благочестия русского народа особенно отчетливо стали выделяться в то время некоторые отрицательные явления церковной жизни. Расшаталась нравственность народа и духовенства, после Смутного времени заметно понизился уровень образованности священнослужителей, расстроилось богослужение, в котором тщетно пытались достичь единства, давно прекратилась живая церковная проповедь, а службы в храмах утратили учительный характер. Для сокращения службы читали и пели одновременно в три-четыре, а то и в пять-шесть голосов, чтобы таким образом в краткий срок исполнить всё, что предписывалось Уставом. Например, на утрени могли одновременно читать шестопсалмие, кафизмы, каноны, на фоне этой многоголосицы диакон одну за другой возглашал ектений и т. д. Стоящим в церкви при всем желании невозможно было ничего понять; служба теряла структуру и последовательность. Так называемое «хомовое» пение нелепыми ударениями, добавлением лишних гласных к словам коверкало священные тексты, превращая их в бессмыслицу. В русские богослужебные книги вкралось множество ошибок и описок. В некоторые обряды проникли серьезные искажения. В народе процветали самые грубые суеверия, возрождались языческие обычаи.

Борьбу с подобными отрицательными явлениями Церковь вела давно. В ближайшее к Никону время Патриарх Филарет возобновил и оживил дело церковного книгопечатания, пытался устроить греческую школу при своем дворе, организовал дело переводов с греческого на русский, а что особенно примечательно — стал широко привлекать греческую ученость к делу исправления

русских обрядов и книг¹⁹. Сам Патриарх Филарет был ставленником Иерусалимского Патриарха Феофана и глубоко чтит авторитет Восточной Церкви. По внушению Феофана, Филарет упразднил у нас обычай преподносить мирянам Святое Причастие троекратно (во образ Святой Троицы) и установил единократное причащение. Также по настоянию Иерусалимского Патриарха был оправдан архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Дионисий, пострадавший за исправление русских богослужебных книг по греческим, в частности за исправление в русском Требнике чина Великого освящения воды. В соответствующей молитве у нас читалось: «Освяти воду сию Духом Святым *и огнем*». Слова «и огнем» были исключены Дионисием как неправильные. За это его осудили как еретика. Но Патриарх Феофан убедил русских, что здесь действительно ошибка. Агиограф Дионисия между прочим замечает: «Дивный, Патриарх Феофан учинил многи сыны Православия греческие книги писать и глаголать, и философию греческих книг до конца научил ведать»²⁰. Не прекращавшееся никогда братское общение Русской Церкви с четырьмя Вселенскими Патриархатами при Филарете приобрело особое значение. В Москве постоянно жили несколько греческих иерархов, множество монахов и старцев, некоторые восточные архиереи становились русскими епархиальными епископами (Нектарий, Арсений). Патриарх Филарет в 1632 г. просил Константинопольского Патриарха Кирилла Лукариса прислать хорошего православного учителя для обучения «малых ребят» греческому языку и для перевода книг на русский. С этой целью остался в Москве протосингел Александрийского Патриарха Иосиф²¹. Кончина Патриарха Филарета в 1633 г. прервала его начинания. Но они ясно показывали, что Русская Церковь прочно стала на путь единения с Восточной Церковью, приведения русской литургии в соответствие с греческой.

Такая перемена в отношении к греческому Православию не привела тогда к потрясениям и расколам, хотя противников подобной линии в России было много. Об отношениях с греческой Церковью спорили еще в XVI в. Нил Сорский, Максим Грек, Курбский и др. полагали, что Русская Церковь во всем должна подчиняться греческой. Они даже отказывались признавать святыми Митрополита Иону и тех, кто был канонизован после учреждения автокефалии Русской Церкви. Против этой партии

выступила группировка Иосифа Волоцкого. Признавая Митрополита Иону святым, преподобный Иосиф выразил идеи своей партии в словах «Просветителя»: «Русская земля ныне благочестием всех одоле». Эта позиция как будто согласовывалась с широко принятой в России идеей старца Филофея о Москве как о «Третьем Риме» и о России как наследнице погибшей за отступление от благочестия Великой Римской империи (Византии). Мнения Иосифа — Филофея в русском обществе победили, самостоятельность нашей Церкви была признана законной, особенно после учреждения Патриаршества. На греков многие стали смотреть как на отступников от настоящего благочестия. Мнения эти так прочно укоренились в русском духовенстве, что всякая иная точка зрения считалась отступлением от Православия, чуть ли не ересью. Таких взглядов держался поначалу и Никон. Вряд ли можно сомневаться в справедливости слов И. Неронова, впоследствии говорившего Никону: «Мы прежде сего у тебя же слышали, что многожды ты говаривал нам: «гречане-де и Малыя России потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой-де и честь тех прельстила, и своим-де нравом работают, а постоянства в них не объявилось и благочестия нимало». Неронов говорит об этом в связи с тем, что Никон потом начал «иноземцев (греков) законоположения хвалить и обычаи тех принимать» и называть греков «благоверными и благочестивыми родителями»²².

Но одно дело — духовно-нравственное состояние современных Никону греков, другое — богатейшее богословское и литургическое наследие Вселенской греческой Церкви! Разности этой не могли понять многие на Руси, но в целом Русская Церковь поняла. Понял и Никон.

Была своя правда и неправда и в позиции сторонников «Третьего Рима», и в позиции заволжских старцев. Время отсеяло неправды и оставило истину. С падением Византии Россия действительно становилась единственной православной мировой державой — Третьим Римом. И действительно, при этом русское благочестие, несмотря на все отрицательные явления церковной жизни, было достойно всяческого восхищения. Но Русь приняла Православие от греков, так сказать, «в готовом виде». Богословские формулы, литургика Православия были выстраданы Византийской Церковью в процессе тысячелетнего богословско-литургического творчества, острейшей борьбы с множеством ересей. Вот этого

богословско-литургического творчества Русь не знала. Это не означает, что церковная жизнь в России была чем-то окостеневшим, лишенным жизненного развития. Нет, наполняемая изнутри благочестием и живой верой, она развивалась; на протяжении веков складывались особые русские церковные обычаи, не противоречившие Уставу, возникали новые праздники, самобытные черты символики и обрядности. Но это был, хотя и не совсем, но в значительной мере стихийный или, лучше сказать, непреднамеренный, естественный процесс. И когда выяснилось, что вместе с этими добрыми и бесспорно благочестивыми чертами русской церковной жизни в нее вкрались нелепости, ошибки, явно противоречившие Уставу и духу Церкви, или обычаи спорные, не получающие единодушного признания, то обнаружилось, что установить верное и отбросить неверное в России очень трудно. «Своим» не верили. Даже соборного определения большинством голосов («за» или «против») для русских людей было недостаточно. Требовался авторитетный беспристрастный богословский разбор, опирающийся на богатство святоотеческого учения и опыта Вселенской Церкви.

Арбитром в таких спорах могла быть только греческая ученость. Таким образом, говоря упрощенно, если Русь превосходила Восток благочестием, то он, в свою очередь, превосходил ее «богословской ученостью». Сложилась прекрасная основа плодотворного общения и взаимообогащения! Русь, впрочем, и по достижении полной церковной самостоятельности не мыслила себя никогда в отрыве от Вселенской Православной Церкви. Это означало бы раскольническую позицию, а раскола Русь чуждалась как самого страшного греха. Но в XVII в. к тому же положение «Третьего Рима» всё чаще стало восприниматься не как основание для превозношения, а как ответственность за судьбу «Рима Второго» — всех древних православных народов, о чем уже было сказано. В этой стадии своего развития идея «Третьего Рима» органически слилась с идеей о необходимости полного церковного единения с православным Востоком, признания учительного авторитета Греческой Церкви, прежде всего — авторитета четырех Вселенских Патриархов в вопросах вероучительных, канонических, литургических. Такая позиция обнаруживала и подчеркивала верность России Вселенскому Православию и чрезвычайно увеличивала духовный авторитет России на православном Востоке.

Так нашли свой исторический синтез и примирение взгляды на Греческую Церковь Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, сторонников и противников идеи «Третьего Рима».

Таким образом, стремление царской власти к религиозному единству с православным Востоком, носившее преимущественно политический характер, целиком совпало с насущными духовными потребностями Русской Церкви. Политическое и духовное, государственное и церковное оказались в неразрывном единстве. Необходимость церковных преобразований стала особенно острой, важнейшей задачей для русского общества.

27 января 1649 г. в Москву прибыл Иерусалимский Патриарх Паисий, который на первом же приеме у государя заявил при всех: «Пресвятая Троица... да умножит Вас превыше всех царей... благополучно сподобит Вас восприяти Вам превысочайший престол великого царя Константина, прадеда Вашего, да освободит народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук... да будеши новый Моисей, да освободиши нас от пленения, якоже он освободил сынов израилевых от фараоновых рук...»²³.

Как бы в ответ на подобные заявления, от царского двора в русское общество шли мысли, достаточно выраженные в печатавшихся книгах. Кириллова книга, изданная при Патриархе Иосифе, утверждала, что четыре Вселенских Патриарха «право и неизменно веру, данную им от святых Апостолов, и их учеников, и седми Вселенских Соборов, ни в чем не нарушающе, ни отлагая, проповедали и проповедают, держали и держат»²⁴. «Книга о вере» (1649 г.) высказывалась еще более определенно: «Святая Восточная в гречех обретенная Церковь правым царским путем... ни направо, ни налево с пути не совращаяся и Горнему Иерусалиму сыны своя препровождает... и ни в чесом установления Спасителя своего и блаженных Его учеников, и святых отец предания, и седми Вселенских Соборов, Духом Святым собранных, Устав не нарушает, не отменяет, и в малейшей части не отступает... аще телесную чувственную, от телесного и чувственного врага неволю терпит, но веру истинную и совесть свою чисту и нескверну... сохраняет. Ничесожь бо турци от веры и от церковных чинов отымают, точию дань грошовую от греков приемлют... И якоже люди Божии, егда в работе египетстей были, веры не отпадоша, и первые христиане, в триста лет в тяжкой неволе будучи, веры не погубиша; тем же образом и нынешнее время в неволе турецкой

христиане веру православную целу соблюдают... да заградятся всякая уста глаголющих неправду... на смиренных греков... Русийскому народу Патриарха Вселенского, Архиепископа Константинопольского, слушати и ему подлежати и повиноватися в справах и в науце духовной есть польза, и приобретение велие, спасительное и вечное»²⁵.

С благословения Патриарха Иосифа были изданы «Шестоднев», «Учительное Евангелие», «Кормчая», в которых говорилось, что они исправлены по греческим книгам и указанию греческих святителей и по книгам «острожския печати», т. е. южно-русским²⁶.

В 1649 г. в Россию с Украины по вызову властей приехали Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий, Епифаний Славинецкий, устраивая обучение русских людей языкам и наукам, занимаясь исправлением русских книг по греческим, переводами с греческого и собственными сочинениями. С такой же целью боярин Федор Михайлович Ртищев в 1649 г. создает под Москвой Андреевский монастырь, населяя его учеными малороссийскими монахами (до 30 человек), приглашает 12 киевских певчих, которые заводят в Москве пение по киевским распевам, обучая тому же и русских хористов. Кроме того, Ртищев отправляет нескольких молодых москвичей на учебу в Киев²⁷. В Россию приезжает множество восточного и киевского духовенства.

Дело исправления русских книг и обрядов в пользу греческих идет полным ходом задолго до того, как Никон становится Патриархом. Для большего успеха этого дела в 1649 г. на Восток посылается старец Троице-Сергиевой Лавры Арсений Суханов с целью сбора древних книг и рукописей.

В 1652 г., еще при жизни Патриарха Иосифа, им самим было сделано распоряжение поминать на многолетиях по всем церквам четырех восточных Патриархов²⁸, что означало публичное признание единства Русской Церкви с Восточной Церковью и признание греческих Патриархов православными. Отсюда с неизбежностью следовал вывод, что их авторитет в вопросах церковной жизни не подлежит сомнению.

Параллельно с этим идет дело общего оздоровления церковной и духовно-нравственной жизни России. При содействии о. Стефана и царя на архиерейские кафедры и видные протоиерейские места поставляются примерные и деятельные

пастыри, стремящиеся к водворению подлинного благочестия во всех областях жизни, а наипаче — в богослужении. Возрождается живая устная проповедь, отменяется хомовое пение, упраздняется не без борьбы многогласие²⁹. Алексей Михайлович и о. Стефан приобщили к себе плеяду людей, составивших, по выражению проф. Н. Ф. Каптерева, «кружок ревнителей благочестия». В него входили боярин Федор Михайлович Ртищев и его сестра Анна, много сделавшие для привлечения южнорусской, киевской учености в церковную жизнь России, и ряд духовных лиц: протоиерей московского Казанского храма Иоанн Неронов — деятельный проповедник, имевший большой успех в обществе, протоиерей Аввакум, поставленный настоятелем собора в г. Юрьевце-Польском, протоиерей Даниил из Костромы, протоиерей Логгин из Мурома и другие. Эти люди пользовались расположением царя и большим влиянием в обществе. Они постоянно участвовали в решении важных церковных дел, свободно входили к Патриарху, предлагая ему свои советы и пожелания, писали обличительные и нравоучительные письма архиереям. Дом Федора Ртищева сделался центром, где все ревнители благочестия часто встречались друг с другом, спорили, делились мнениями, где можно было, не боясь, говорить всё, что на душе.

В этот же дом, в атмосферу этих споров и деяний вошел и архимандрит Никон, быстро сделавшийся одним из самых видных и авторитетных ревнителей. Все они стояли за улучшение духовной и церковной жизни, но в отношении к авторитету греческой Церкви резко разделялись на две группы. Ртищев и его сестра придерживались взглядов царя и о. Стефана о необходимости единения с греческой Церковью и обращения с этой целью к греческой учености. Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин, напротив, полагали, что для улучшения церковной и духовной жизни в России достаточно лишь исправления нравов, отмены многоголосия, введения живой проповеди и некоторых книжных исправлений по древним русским же книгам и рукописям. Греческую православную ученость и практику тогдашней Греческой Церкви они решительно отвергали на том единственном основании, что современные греки представлялись им крайне неблагочестивыми людьми (много едят, нет у них смирения, неправильно или небрежно крестятся и т. д.). По мнению этой части ревнителей, не русские отступили от

древних обрядов, а греки, и оттого образовалось несогласие в книгах и церковной практике между Русской и Восточной греческой Церквами. Исключение здесь представлял один Неронов, который все же признавал авторитет Вселенских Патриархов и допускал возможность исправления греческими учеными наших книг, но только после тщательного испытания этих греков на благочестие.

По своим прежним представлениям будущий Патриарх Никон поначалу примыкал к этой части ревнителей. Однако, встретившись с противоположными точками зрения, он в силу своей врожденной пытливости и стремления разбираться во всем до конца дал себе труд вникнуть в суть вопросов поглубже. С огромным вниманием Никон вел беседы с такими людьми, как Иерусалимский Патриарх Паисий (бывший в Москве в 1649 г.), митрополит Назаретский Гавриил (прибывший в Москву в 1650 г. по поручению Паисия специально для убеждения Никона), митрополит Навпакта и Арты Гавриил Власий, посланный в Россию с единственной миссией убедить русских в православности и учености греков, киевские ученые монахи, особенно Епифаний Славинецкий³⁰.

Общение с этими людьми решило идейный выбор Никона. Он стал склоняться к признанию авторитета Греческой Церкви. Патриарх Паисий после беседы с Никоном направил через Посольский приказ письмо государю, в котором писал: «...в прошлые дни говорил есми со преподобным архимандритом Спасским Никоном, и полюбилась мне беседа его; и он есть муж благоговейный и досуж (т. е. в данном случае — любящий проводить досуг в серьезных духовных беседах. — *Прот. Л.*) и верный царствия вашего; прошу, да будет иметь повольню приходить к нам и беседовати по досугу, без запрещенія великого вашего царствия»³¹. Запрещения, очевидно, не последовало. Алексей Михайлович был явно рад тому, что беседа его «собинного друга» «полюбилась» Иерусалимскому Патриарху. Это утверждало царя и о. Стефана в правильности их оценки Никона.

По словам самого Никона, Патриарх Паисий в этих беседах «зазирал» его «за разные церковные вины» и в том числе за неправильное двуперстное крестное знамение, настаивая на троеперстии³².

Таким образом, уже в 1649 г., в конце своего настоятельства в

Новоспасском монастыре, Никон понял указанный выше характер взаимоотношений России с Греческой Церковью, понял и необходимость церковных преобразований для приведения русской литургической практики в соответствие с греческой, согласился на троеперстие. В противном случае вряд ли, узнав о поставлении Никона в митрополиты, Патриарх Паисий написал бы государю: «Похваляем благодать, что просвети вас Дух Святый и избрали есте такого честного мужа, преподобного инокосвященника и архимандрита господина Никона... и он есть достоин утверждати Церковь Христову и пасти словесныя овцы Христовы».

В 1649 г. по крайней слабости здоровья просил об уходе на покой Новгородский митрополит Аффоний, некогда поставивший Никона во игумена Кожеозерской обители. Единодушным решением царя, его синклита, Патриарха Иосифа, собора архиереев и кружка «ревнителей» на виднейшую в России Новгородскую кафедру был избран архимандрит Никон и 11 марта 1649 г. возведен в сан митрополита. Архиерейскую хиротонию совершил Патриарх Иосиф с митрополитами Варлаамом Ростовским, Серапионом Сарским, архиепископами Маркеллом Вологодским, Моисеем Рязанским, Ионой Тверским и епископом Рафаилом Коломенским³³.

Архиерейский сан не изменил строгого подвижнического образа жизни Никона, придав ему только еще больше сил в деяниях на благо Церкви. Совершая частые богослужения, отличавшиеся чинностью и благолепием, Никон с увлечением проповедовал, что привлекало в храм множество народа (живая проповедь была в те времена еще очень необычным явлением). Он построил в Новгороде митрополичьи палаты, четыре новые богадельни для сирот, испросив им ежегодное царское пособие, в трудные времена старался помогать горожанам, чем мог. В его митрополичьем доме была открыта «погребная» палата, где в период голода ежедневно кормились от ста до трехсот и более человек³⁴. Однако новгородцы не сразу прониклись любовью к новому Владыке. В связи с повышением цен на хлеб в неурожайном 1650 году и попыткой правительства, несмотря на это, вывезти из псково-новгородских земель значительные партии хлеба в Швецию в Пскове и Новгороде вспыхнули восстания³⁵. Митрополит Никон пытался воздействовать на возмущившихся новгородцев проклятием зачинщиков и словом увещания, но это не помогло. Более того,

19 марта толпа ворвалась к Никону на Софийский двор. Митрополита ударили ослопом в грудь, серьезно ранив его, потом били кулаками и, израненного, потащили в земскую избу. От побоев Никон не мог идти и упросил новгородцев отпустить его, так как ему предстояло служить обедню. Его отпустили. Через несколько дней он оправился и продолжал уговаривать возмутившихся прекратить бунт, тайно посылал вести царю о положении дел, заступался за новгородцев, прося одних простить, другим смягчить наказания, и своими осторожными и мудрыми действиями не только способствовал благополучному исходу всего дела, но и избавил от суровых кар множество людей, которые только теперь оценили своего архипастыря. Особым письмом к царю Никон содействовал также тому, что и бунт во Пскове не повлек за собой массовых репрессий и кровопролитий³⁶. Все это привело Алексея Михайловича в подлинное восхищение своим «собинным другом».

Каждую зиму по вызову царя святитель Никон приезжал в Москву, живя здесь по нескольку месяцев, принимал участие в общецерковных делах. Никон понимал, что должен с великой ответственностью воспользоваться любовью царя во благо Церкви и Родины. В этот период возникло решение перевезти в Успенский собор Кремля мощи трех Московских святителей: первого русского Патриарха Иова — из Старицы, святого Митрополита Филиппа — из Соловецкого монастыря и Патриарха Гермогена — из Чудова монастыря. При этом совершенно особое значение и невиданный характер приобрело перевезение мощей святого Филиппа, за которое взялся сам митрополит Никон. Святитель Филипп, как известно, был убит по приказу царя Ивана Грозного за обличение царских беззаконий и жестокостей. Это было первым и самым серьезным конфликтом между самодержцем и Главой Церкви в России, где проявилось притязание царской власти на безудержное самоуправство и полное отрицание церковного авторитета. Возносимый к вершинам святительской власти, Никон очень серьезно размышлял об отношениях Церкви с самодержавием. Он глубоко почитал Митрополита Филиппа. Его страдание за правду, за должный духовный авторитет Церкви в русском обществе стало для Никона образцом и примером. Теперь было крайне важно, чтобы личная любовь между Никоном и царем сделалась основой прочного единения Церкви и государства и чтобы это было явлено

всему русскому народу. Самым удобным случаем для проявления духовного почтения царской власти к церковной могло стать публичное изъявление сыновней любви царя не к Никону, а к пострадавшему святителю Филиппу. Никон отыскал в книгах рассказ о том, как император Феодосии, посылая за мощами святого Иоанна Златоуста, обращался к давно почившему святителю с покаянной грамотой, прося в ней прощение за свою мать, гнавшую святого. По предложению Никона Алексей Михайлович написал в таком же духе послание Митрополиту Филиппу³⁷. В этой грамоте царь приносил покаяние за прадеда своего Ивана Васильевича, признавал его вину в «нерассудности, зависти и несдержанной ярости» и изъявил свое почтение к мученику-митрополиту в таких выражениях: «Преклоняю пред тобою сан мой царский за согрешившаго против тебя, да отпустишь ему согрешение его своим к нам пришествием, и да упразднится поношение, которое лежит на нем, за изгнание тебя. Молю тебя о сем, о священная глава, и преклоняю честь моего царства пред твоими честными мощами, повергаю на умоление тебя всю мою власть...»³⁸. Восстанавливались надлежащие отношения между Церковью и царской властью. В общественном сознании залечивалась рана, почти сто лет не получавшая врачевания.

Никон отправился за мощами Митрополита Филиппа с большой свитой. Он прочел царскую грамоту над его гробом в Соловецком монастыре, вывез мощи на материк и направился с ними в Москву. В это время, 15 апреля 1652 г., в Великий четверг, скончался Патриарх Иосиф. С телом всероссийского святителя Филиппа к столице приближался будущий всероссийский святитель Никон. Избрание его на престол было уже предreshено, по крайней мере, в ближайшем к царю окружении.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁷ *Каптерев*, с. 17.

⁸ *П. Алепский*. Путешествие..., вып. III, с. 121.

⁹ *Каптерев*, с. 17.

¹⁰ *Соловьев*, кн. VI, с. 609; кн. VII, с. 128.

¹¹ *Каптерев*, с. 42.

- ¹² Там же, с. 43—45.
- ¹³ *П. Алеппский*, вып. IV, с. 170—171.
- ¹⁴ *Каптерев*, с. 35, 46—47.
- ¹⁵ *Ключевский*, с. 293; *Каптерев*, с. 33—34.
- ¹⁶ «Известие...», сс. 10—11.
- ¹⁷ *П. Алеппский*, вып. IV, с. 54.
- ¹⁸ Там же, с. 146—147.
- ¹⁹ *Каптерев*, с. 37—38.
- ²⁰ Там же, с. 39.
- ²¹ Там же, с. 40.
- ²² Там же, с. 63.
- ²³ Там же, с. 44.
- ²⁴ Там же, с. 65.
- ²⁵ Там же, с. 19.
- ²⁶ Там же, с. 49—50.
- ²⁷ Там же, с. 73.
- ²⁸ Там же, с. 57.
- ²⁹ *И. Гиббенет*, с. 470—472.
- ³⁰ *Каптерев*, с. 65—66.
- ³¹ Там же.
- ³² *Каптерев*, с. 65—66; Митроп. *Макарий*. История..., т. XI, с. 165—66.
- ³³ Митроп. *Макарий*. История..., т. XI, с. 166. Примеч.
- ³⁴ «Известие...», с. 10—11.
- ³⁵ Очерки истории СССР, с. 250—251.
- ³⁶ *Соловьев*, кн. V, с. 495—506, 514.
- ³⁷ Соловьев утверждает, что вся идея о перенесении мощей трех святителей принадлежала Никону, но митрополит Макарий (Булгаков) считает это утверждение сделанным «неизвестно на каком основании». Соловьев также уверенно пишет, что грамота мощам Филиппа от имени Алексея Михайловича — это придумка

Никона. Последнее утверждение можно принять, зная особую любовь Никона к св. Филиппу и его дальнейшие действия в отношении царской власти. *Соловьев*, кн. V, с. 516—517; Митроп. *Макарий*. История..., т. XI, с. 176—177.

³⁸ Митроп. *Макарий*. История..., т. XI, с. 177.